

ПОТЪШНЫЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Въ статьѣ „Потѣшныя войска“, появившейся въ № 189-мъ „Русскаго Инвалида“, нынѣшняго года, сказано, что мысль о потѣшныхъ войскахъ заглохла со временъ Петра Великаго до нашихъ дней, когда она вновь вызвана къ жизни и, повидимому, къ мощному развитію, благодаря почину г. Луцкевича.

Это не совсѣмъ такъ. Мысль эта была не только присуща Государю Николаю Павловичу, но и осуществлена имъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, нежели это было въ Петровское дѣтство и въ настоящее время.

Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ былъ, по приказанію Николая Павловича, сформированъ въ Зимнемъ дворцѣ потѣшный взводъ Преображенцевъ, въ составъ котораго вошли товарищи игръ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, изъ ближайшаго ко двору круга Петербургскаго общества. Всякое Воскресеніе, съ Ноября по Май мѣсяць, они приглашались во дворець. Изъ числа этихъ мальчугановъ, сыновья придворныхъ чиновъ, находившихся при Высочайшихъ особахъ въ мѣстахъ лѣтняго ихъ пребыванія, принимали также участіе въ занятіяхъ молодыхъ Великихъ Князей, относившихся до ихъ физическаго образованія: верховая ѣзда, гимнастика, фехтованіе, бѣгъ на конькахъ, плаванье и гребля на шлюпкахъ, а также балетныя танцы и другія актерскія лицедѣйствія на сценахъ театровъ, устроенныхъ въ Царскосельскомъ и Гатчинскомъ дворцахъ *).

Изъ состава потѣшнаго взвода—мы его величали ротой—припоминаю графа Павла Андреевича Шувалова—сынъ гофмаршала Высочайшаго двора; графа Вадима Левашева, сынъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта Николая Павловича—тогда еще не графа—Игнатьева, отецъ котораго былъ директоромъ Пажескаго Корпуса; князя Сергѣя

*) На одномъ изъ такихъ балетныхъ представленій въ Царскосельскомъ дворцѣ появился въ облакахъ надъ сценой, въ видѣ крылатаго Кудряваго купидона, нынѣ состоящій при особѣ Его Величества генералъ-адъютантъ баронъ Ф. Е. Мейендорфъ.

Сергѣевича Гагарина—сынъ гофмейстера, управлявшаго гофъ-интендантствомъ; князя Сергія Трубецкаго—внучатаго племянника жившей еще тогда въ Зимнемъ дворцѣ или Смольномъ фрейлины Нелидовой друга Императора Павла и его супруги;—трехъ сыновей состоявшаго при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ генерала Николая Матвѣевича Толстого; обоихъ сыновей шталмейстера того же двора Ушакова; старшаго сына будущаго оберъ-шталмейстера барона Мейендорфа; Николая Бахметева, племянника оберъ-прокурора Синода графа Протасова—отъ котораго онъ наслѣдовалъ титулъ и огромное состояніе;—Владислава Клюпфеля, отецъ котораго командовалъ любимыми Государемъ Царскосельскими кирасирами; Сухозанета (кажется, Николая), сына безногаго генераль-адъютанта; Николая Пашкова, сестры котораго были впоследствии гофмейстеринами Государыни Императрицы и Великой Княгини Екатерины Михайловны; брата моего Адама и меня—отецъ нашъ состоялъ тогда гофмаршаломъ Наслѣдника Цесаревича. Было, быть можетъ, еще два или три мальчика, которыхъ фамиціей не припоминаю.

Въ швальяѣ и цейхгаузахъ Преображенскаго полка было приказано построить для насъ полную парадную зимнюю форму, безъ шинелей, и всю аммуницію за исключеніемъ ранцевъ, а изъ арсенала отпустить комплектъ на взводъ тесаковъ и ружей, тогда еще кремневыхъ, кадетскаго образца.

Въ одно изъ Ноябрьскихъ Воскресеній 1841 или 42 года нашъ взводный командиръ, второй воспитатель Ихъ Высочествъ баронъ Василій Сергѣевичъ Корфъ—впоследствии генераль-адъютантъ, тогда капитанъ Семеновскаго полка—тщательно осматрѣлъ съ помощью унтеръ-офицеровъ роты Дворцовыхъ гренадеръ мундиры, сшитыя на каждаго изъ насъ по мѣркѣ, пригналъ тяжелые кивера съ высокими султанами въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ парадируетъ теперь гвардейская пѣхота, и аммуницію на широкихъ, тугосгибающихся, набѣленныхъ ремняхъ, и выбралъ для каждаго соотвѣтственно его росту ружье.

Для пополненія рядовъ намъ придали кадетъ изъ роты Перваго Корпуса, въ которой числились наши Великіе Князья, по очереди, въ числѣ десяти или пятнадцати, также приглашаемыхъ на Воскресные обѣды.

Баронъ Корфъ повелъ нашу, пока еще нестройную, шумную толпу въ Аванзалъ, гдѣ мы тотчасъ присмирѣли, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Государь. Поздоровавшись съ нами обычнымъ привѣтомъ его любимцамъ Преображенцамъ: „Здорово, богатыри Преображенцы!“, Его Величество сразу вступилъ въ обязанности не только инструктора и фельдфебеля, но даже барабанщика нашей команды,

самъ провѣрилъ ранжирь, стойку каждаго, сдѣлалъ расчетъ на шеренги и отдѣленія и затѣмъ началъ съ нами ружейные приемы. Приемы эти были болѣе или менѣе намъ всѣмъ знакомы, такъ какъ въ то время во всѣхъ почти богатыхъ дворянскихъ домахъ былъ обычай кромѣ гувернеровъ Французовъ и Нѣмцевъ—Англійскіе тьюторы тогда еще не появлялись—имѣть дядекъ изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, которые присматривали за барчуками, помогали имъ одѣваться, водили ихъ гулять, а въ свободные отъ уроковъ часы преподавали имъ то, что они называли „артикулы“ „солдатскую муштру“, ружейные приемы съ игрушечными ружьями, тогда принадлежностью каждой классной и дѣтской, а въ особенности излюбленный инструкторами тѣхъ временъ тихій шагъ въ три приема. Тамъ, гдѣ такихъ постоянныхъ дядекъ-унтеровъ не было, приглашались унтеръ-офицеры изъ ближайшихъ казармъ для этого обученія нехитраго, но которому тогда придавали и, мнѣ кажется, хорошо дѣлали, немаловажное значеніе¹⁾). Поэтому какъ ружейные приемы, такъ и маршировка, для которой Государь перевелъ насъ въ огромный Георгіевскій залъ, были скоро усвоены взводомъ, въ особенности благодаря входившему въ составъ его контингенту превосходно обученныхъ фронту кадетъ. Особенно старались мы высоко поднимать ногу, тянуть носокъ и плавно на него опускаться, когда Государь бралъ барабанъ отъ состоявшаго при нашемъ взводѣ старика гиганта барабанщика изъ дворцовой роты гренадеръ, и начиналъ отбивать бой тихаго шага. Его Величество, какъ впоследствии и Великій Князь Николай Николаевичъ, былъ, можно сказать, артистъ на этомъ инструментѣ²⁾). Тутъ же Государь назначилъ унтеръ-офицерами нашихъ Великихъ Князей и поставилъ ихъ на флангахъ взвода.

Слѣдующія Воскресенія были посвящены преимущественно обученію караульной службѣ и всѣмъ ея тогда столь сложнымъ уставамъ: для чего въ первой комнатѣ апартаментовъ Великихъ Князей была устроена караульная платформа съ будкой и сошками, гдѣ намъ и преподавали премудрости тогдашней сложной гарнизонной службы: обязанности часовыхъ, смѣна карауловъ, зѣри съ церемоніей, выходъ на платформу для отданія чести, и т. под. И это обученіе было впоследствии провѣрено лично Государемъ Императоромъ, который разъ даже самъ разводилъ часовыхъ, поставивъ „пару уборныхъ“ у дверей каби-

¹⁾ Такъ думалъ и Фридрихъ Великій, написавши на книгѣ воинскаго устава, которую онъ подарилъ своему племяннику, будущему его преемнику: *Aimez ces détails, ils ne sont pas sans gloire, car c'est le premier pas fait à la victoire.*

²⁾ Учителемъ Великаго Князя былъ Французъ барабанщикъ балетнаго оркестра, еще долго послѣ этого отличавшійся своими длинными усами въ оркестрѣ Большаго театра; его навѣрное и теперь еще помнятъ нѣкоторые изъ тогдашнихъ балетомановъ.

нета Императрицы съ приказаніемъ не пропускать тѣхъ или другихъ указанныхъ Его Величествомъ лицъ; въ числѣ которыхъ были и придворные Арапы, предъ которыми при попыткѣ ихъ проникнуть за заповѣдныя двери, мы грозно брали „на руку“, что вызывало громкій смѣхъ Государя, такъ какъ придворные Эѳіопы, не будучи въ секретѣ, не на шутку этимъ обижались, злобно скаля на дилицутовъ-часовыхъ свои бѣлые зубы.

Такъ продолжалось наше обученіе каждое Воскресенье нѣсколько зимъ подъ рядъ, смѣняясь изрѣдка обученіемъ артиллерійской службѣ при маленькихъ пушкахъ, изъ которыхъ мы къ отчаянью оберъ-гофмаршала князя Долгорукова и гофмаршала графа Шувалова немилосердно дымили по всѣмъ заламъ дворца какими-то нарочно для сего заготовленными холостыми зарядами-хлопушками. Эти ученія производились подъ наблюденіемъ старшаго воспитателя Великихъ Князей генераль-адъютанта Алексѣя Илларионовича Философова; ему помогали присяжный—какъ ихъ тогда называли—унтеръ-офицеръ при комнатахъ Ихъ Высочествъ изъ артиллеристовъ Пирхуновъ, фамилія котораго осталась у меня въ памяти, такъ какъ онъ былъ отецъ извѣстной, почти что знаменитой танцовщицы А. И. Пирхуновой, вышедшей потомъ замужъ за Московскаго губернскаго предводителя дворянства князя Л. Н. Гагарина.

Разъ нашему артиллерійскому взводу пришлось отслужить чуть-ли не дѣйствительную службу. Это было въ Царскомъ Селѣ 8-го Сентября 1843 года, когда по случаю столь обрадовавшаго Царственнаго Дѣда событія—рожденія у Наслѣдника Цесаревича Первенца Великаго Князя Николая Александровича—Государь приказалъ намъ изъ нашихъ двухъ пушечекъ сдѣлать первый салютъ будущему Цесаревичу на плацу передъ Александровскимъ дворцомъ.

Впрочемъ на артиллерійскія наши ученія Государь, сколько мнѣ помнится, не приходилъ. Ему, бывшему командиру пѣхотной гвардейской бригады, былъ ближе пѣхотный строй; да и на эти ученія онъ понятно жаловалъ не на каждое, въ послѣдующіе годы даже довольно рѣдко; но мы ожидали Его Величество каждое Воскресенье и потому относились очень серьезно къ этому дѣлу, не ставя его подрядъ съ обычными нашими съ царственными товарищами играми, изъ которыхъ помню любимая была „Казакъ и Черкесы“, при чемъ мы порядочно таки другъ друга тузили, не взирая ни на какіе титулы и ранги, въ особенности, когда присоединялся къ одной изъ воюющихъ сторонъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, бывший гораздо старше и сильнѣе всѣхъ насъ и котораго поэтому мы побаивались и не слишкомъ долюбляли: тогда игра принимала такой боевой характеръ, что

разъ Государь, незамѣтно подошедшій къ воюющимъ, строго взыскалъ съ Великаго Князя „Казака“ за слишкомъ крутую расправу съ заплакавшимся малышомъ „Черкесомъ“.

Великіе Князья обучались вмѣстѣ съ нами также саперному дѣлу. Слѣды этого обученія сохранились и по сіе время въ „крѣпости“ въ Царскомъ Селѣ, за телеграфной башней, въ Александровскоиъ паркѣ. Это земляное замкнутое укрѣпленіе съ бастионными фронтами, было проектировано и сооружено по чертежу, составленному самимъ Государемъ. Наша работа продолжалась въ мѣсяцы Царкосельскаго пребыванія двора нѣсколько лѣтъ сряду, и Государь, какъ извѣстно, бывшій большимъ знатокомъ инженернаго дѣла, пріѣзжалъ иногда наблюдать за оной. Долженъ сознаться, что мы, т. е. Великіе Князья и ихъ Царкосельскіе товарищи, усердно дѣйствовали лопатами, кирками и мотыгами только въ присутствіи Его Величества. Дѣйствительно работали, и на „чистоту“—о чемъ свидѣтельствуетъ слишкомъ полувѣковая сохранность этого укрѣпленія—наши инструкторы, нижніе чины Учебнаго Сапернаго Баталіона, расположеннаго тогда въ Царскомъ Селѣ¹⁾.

Государь Николай Павловичъ придавалъ большое значеніе физическому воспитанію своихъ дѣтей, слѣдствіемъ чего и явились такіе красавцы-молодцы во всемъ, что касалось физическаго развитія, какими были Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Когда имъ минуло 12-ть лѣтъ, по приказанію Государя, тогда особенно покровительствовавшего цирку²⁾, Великимъ Князьямъ еженедѣльно въ будничные дни, иногда даже по два раза въ недѣлю преподавалась въ манежѣ Аничковскаго дворца цирковая вольтижировка. Обученіе этому, далеко нелегкому, искусству было поручено Государемъ особенно имъ отличаемому клоуну вольтижеру Віолю, бывшему впоследствии класснымъ чиновникомъ для обученія вольтижировкѣ гвардейскаго кавалерійскаго корпуса. На этихъ урокахъ Государь Императоръ часто присутствовалъ, милостиво бесѣдуя въ ложѣ за барьеромъ съ первой наѣздницей цирка, привлекательной, стройной и остроумной, хотя не особенно красивой Француженкой, сестрою директора Pauline Suzent³⁾, не пропускавшей почти ни одного урока и помогавшей намъ своими совѣтами, замѣчаніями, а иногда и довольно колкой критикой. Товарищей Великихъ Князей при этихъ упражненіяхъ было

¹⁾ Эти саперы находились подъ начальствомъ В. И. Ахшарумова, бывшаго впоследствии предсѣдателемъ Московскаго присутствія Опекунскаго Совѣта.

²⁾ Слѣдствіемъ этого временнаго увлеченія, даже Маринскій театръ былъ превращенъ въ Императорскій циркъ.

³⁾ Она погибла въ полномъ развитіи своего таланта трагическою смертію подл опрокинувшейся на барьерѣ лошадыю.

гораздо менѣе нежели при строевыхъ занятіяхъ, такъ какъ нѣкоторые изъ насъ оказались для вольтижированія мало способными и, не готовясь къ службѣ въ кавалеріи, имъ мало интересовались. До высокой виртуозности въ этомъ искусствѣ дошли Великій Князь Николай Николаевичъ и Сережа Гагаринъ. Самыми неудачными, неловкими вольтижерами были графъ Павелъ Шуваловъ*) и пишущій эти строки. Государь немало хохоталъ, когда мы вдвоемъ продѣлывали сцену „Братья разбойники“ на неосѣдланной лошади, и всякій разъ требовалъ, чтобы она въ видѣ комическаго интермеццо входила въ программу.

Изъ всѣхъ вышепоименованныхъ товарищей Великихъ Князей трое дослужились до Андреевскихъ лентъ, а пятеро состояли впоследствии адъютантами при ихъ товарищахъ дѣтскихъ игръ; но, увы, теперь въ живыхъ за однимъ исключеніемъ нѣтъ никого. Последнимъ изъ нашего товарищескаго, осмѣлюсь сказать, дружескаго кружка, сошелъ въ могилу Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Впрочемъ питаю надежду, что между нашими товарищами-кадетами еще многіе здравствуютъ, а иные, быть можетъ, съ многозначительными цифрами LX на Георгіевской лентѣ, состоятъ и по сіе время на службѣ, и ежели до нихъ дойдетъ этотъ отголосокъ давно минувшихъ дней, не откажутся подтвердить здѣсь сказанное о вниманіи и ласкѣ незабвеннаго Государя Николая Павловича, котораго мы такъ горячо любили и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ страшно боялись, къ созданнымъ по мысли его Потѣпнымъ Преображенцамъ.

Графъ А. Олсуфьевъ.

*) Иссонъ—какъ его всѣ называли (Paul—Isson—polisson). Въ память его предка, знаменитаго Елисаветинскаго генераль-фельдцейхмейстера, изобрѣтателя Шуваловскихъ гаубицъ, много содѣйствовавшихъ пораженію Фридриха Великаго подъ Кунерсдорфомъ, ему одному было пожаловано Государемъ право носить артиллерійскую фуражку, тогда какъ мы всѣ посми присвоенныя званію даже корпусныя фуражки.